
Hope of Salvation Mission

Лори Вик

ШЁПОТ

луного
света

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2009

Originally published in English under the title:

WHISPERS OF MOONLIGHT

by Lori Wick

Copyright © 1996 by Lori Wick

Published by Harvest House Publishers

Eugene, Oregon 97402

ISBN 978-0-7369-1819-0

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2009

P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Серия «Воспоминания о Скалистых горах», книга вторая

Вик Л.

Шепот лунного света / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2009. — 448 с. —
(Воспоминания о Скалистых горах)

ISBN 978-5-903010-17-2 (отд. кн.)

ISBN 978-5-903010-13-4

Однажды она его оставила. Сможет ли она когда-нибудь вернуться домой?

Когда Трэвис женился на Ребекке, начали быстро распространяться слухи о том, что он сделал это только ради ранчо, которое оставил ему умирающий тесть. Пребывая в полном замешательстве и уверенности в том, что Трэвис никогда не сможет полюбить ее, Ребекка исчезает, чтобы начать новую жизнь в далеком городке.

Когда отчаянное положение заставляет Ребекку вернуться к Трэвису, она замечает большую перемену в мужчине, которого когда-то оставила. За время ее отсутствия этот человек из простого ковбоя превратился в уверенного хозяина ранчо. Но она не перестает колебаться. Чего же Ребекка боится больше — любить или быть любимой?

История о верности, вере и безусловной любви...

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

Пролог

Филадельфия, Пенсильвания. 1859 год

— Я еду, Ханна, я уже все решил.

— Но почему, Эндрю? Я не понимаю, зачем тебе ехать?

Брат и сестра, один сердитый, другая — в полном замешательстве, глядели друг на друга через полутемную гостиную, казавшуюся еще темнее из-за лампы с синими стеклами.

— Я не могу тебе объяснить, — тихо произнес он, — но сейчас самое время это сделать. Я чувствую это. Как только я там устроюсь, немедленно пришлю за девочкой.

Ханна дрожащей рукой перебирала кружева на воротнике, а затем поправила седые локоны у виска; понизив голос до шепота, она сказала:

— Это все разговоры. Знаешь ведь, какие слухи ходят, Эндрю. А что, если и в самом деле начнется война?

Ханна заметила, как от гнева вспыхнуло лицо ее младшего брата.

— Прекрати эту болтовню, слышишь? Никакой войны не будет. Мы что, звери какие-нибудь, чтобы брат шел против брата? Какая нелепость! Слышать об этом ничего не хочу.

Но Ханну было не так легко запугать. Она гордо вздернула подбородок, хотя на глазах выступили слезы.

— Эндрю, если ты ошибаешься, то будешь отрезан от Ребекки военными действиями. Подумай, ее мать умерла менее полугода

назад, а Ребекка готова целовать землю, по которой ты ходишь. Ты будешь за сотни миль от девочки и не сможешь с ней связаться. Ведь может так случиться, что вы больше никогда не увидите.

Весь воинственный дух разом покинул Эндрю. Он тяжело опустился в кресло и прикрыл лицо рукой. Мужчина был далеко не стар, чуть больше сорока, но вдруг ему показалось, что он живет уже добрую сотню лет. Действительно, сестра не смогла бы придумать ничего, что так глубоко задело бы его за живое. Эндрю просто обожал свою восьмилетнюю дочурку. Но если он не поедет на Запад теперь, другого шанса у него не будет. Он полагал, что сможет устроить прекрасную жизнь для них обоих, представься только ему такая возможность. Он годами ждал, пока поправится здоровье его ныне покойной жены, и теперь был убежден: если не поедет теперь, то не поедет уже никогда.

— Я уже все решил, Ханна, — проговорил он тихо, но решительно. — Я прошу тебя взять Ребекку к себе и присмотреть за ней. Когда придет время, я пришлю за дочкой. Я обещаю писать ей каждую неделю, но теперь я просто *должен* уехать.

Ханна тяжело вздохнула, понимая, что придется смириться с неизбежным. Поначалу она полагала, что будет счастлива, потому что брат не собирается забирать Ребекку с собой, но теперь она просто трепетала от страха при мысли о том, как девочка будет убиваться из-за отъезда отца, какой несчастной она будет. Муж Ханны Френклин Элленболт был довольно сносным мужем и дядей, но он был настолько занят бизнесом, что времени для одинокой племянницы у него никогда не найдется, будь она хоть самым милым ребенком в целом мире.

— Хорошо, Эндрю, она останется со мной, — согласилась Ханна, — но тебе нужно будет забрать ее не позже, чем через шесть месяцев после того, как приедешь на место.

Мужчина кивнул.

— Да, я думаю, ты права. Время будет тянуться бесконечно долго. Если все пойдет по плану, то я не буду с этим медлить. А ты

прислушивайся, может, услышишь, что кто-то поедет в ту сторону, чтобы отправить ее ко мне с этими людьми. Если только ты...

Ханна покачала головой.

— Френклин никогда не согласится, Эндрю, да и сама я уже слишком стара, чтобы ехать через всю страну.

Эндрю поднялся, он не собирался ее убеждать.

— Утром я сообщу Ребекке о том, что в конце недели уезжаю. Таким образом, у нее будет несколько дней для того, чтобы свыкнуться с этой мыслью.

У Ханны перехватило дыхание. В конце недели. Через четыре дня. Как они смогут это пережить? А как на это отреагирует девочка, спящая в соседней комнате? Ребекка Вагнер была самым милым ребенком из всех, кого знала Ханна. Но о девочке не всегда хорошо заботились. Ханна знала об этом не понаслышке.

У пятидесятилетней Ханны возникло предчувствие. Ее сердце подсказывало ей, что в будущем не все будет так гладко. Эндрю отказывался обсуждать даже возможность войны, но Ханна смотрела на обстоятельства не так оптимистично. Что-то говорило ей, что Эндрю не пришлет за Ребеккой через шесть месяцев. Наряду с этой мыслью появилась другая: тетя Ханна позаботится о малышке Ребекке, она не оставит ее. Сама будучи бездетной, Ханна пообещала себе, что, пока она жива, ее племянница не будет нуждаться ни в чем. Разумеется, она не могла сказать об этом своему брату, но в мгновение ока Ханна уже убедила себя в том, что даже если Эндрю и пришлет за дочерью, та сама не захочет уезжать.

В другой комнате послышался скрип двери. Ханна догадалась, что это Френклин наконец вернулся из офиса. Было уже начало десятого, муж, наверняка, был очень голоден. Эндрю направился к лестнице, наверное спать, а Ханна решила рассказать Френклину о своих планах, даже если это испортит ему ужин.

Боулдер, Колорадо. 1870 год

Высокий ковбой на сером коне привлек внимание всей улицы, когда, въехав в город и остановившись перед баром, он перекинул поводья лошади через перила. Он старался не думать о Техасе. Задача не из легких. Во всех городках во всех штатах, в которых побывал этот молодой человек с мая месяца, он натывался на маленькие кладбища, наводящие его на мысли о свежей могиле, в которой он схоронил свою мать. В течение многих лет, пока его мать была жива, он чувствовал себя в Техасе узником, но теперь, когда ее не стало, у него было единственное желание — уехать как можно дальше и как можно быстрее.

Не в силах припомнить и половины мест, в которых побывал, теперь он оказался в маленьком городке Боулдер в Колорадо. Этот городишко ничем не отличался от остальных. За церковью и кладбищем он видел две гостиницы, почтовое отделение, парикмахерскую, скобяную лавку, магазин, каменные и деревянные дома. Ничего особенного, на его взгляд, но было уже позднее лето, и он понимал, что если не остановится где-нибудь и не найдет себе работу, то зимой придется голодать и мерзнуть.

Двери бара беззвучно распахнулись, когда он вошел в прокуренное помещение. Ему показалось, что для полудня там собралось слишком много людей. Комната была уставлена маленькими

столиками с разнокалиберными стульями. Не глядя ни на кого, молодой человек подошел к пустому столу, чтобы устроиться спиной к стене. Минуту спустя к посетителю подошел полный мужчина в фартуке.

— Что будем заказывать? — вежливо поинтересовался он.

Не снимая шляпы, ковбой лишь слегка склонил набок голову, чтобы заказать напиток. Он хотел холодной воды в высоком стакане, и подумай он хорошенько, то отправился бы за этим в одну из гостиниц, где подобным заказом никого не удивишь.

— Вы хотите бутылку? — услышал он, когда напиток появился перед ним минуту спустя.

— Нет, — тихо ответил посетитель.

Молодой человек протянул руку к стакану, не сводя глаз с поверхности стола, однако он уже успел привлечь к себе внимание со стороны нескольких завсегдатаев, одному из которых хватило смелости приблизиться к нему. Его звали Лаки Харвелл. Лаки едва исполнилось семнадцать, и в тот день он был особенно горд собой. Юноша неторопливо подошел к столу незнакомца.

Лаки работал на ранчо «Две звезды». Его работодатель, Эндрю Вагнер, зная, что тот направляется в город, попросил его быть внимательным, может, ему встретятся желающие поработать на ранчо. Лаки, желторотый юнец, довольный полученным заданием, подошел бы даже к известному преступнику. А у одинокого мужчины, сидящего за столом, был довольно угрожающий вид, но юноша хотел вернуться на ранчо и сказать хозяину, что старался выполнить его поручение.

— Не возражаете, если я к вам присяду?

Посетитель запрокинул голову, чтобы из-под шляпы посмотреть на юнца, который был выше среднего роста, и это прибавило молодому человеку уверенности.

— Все зависит от того, что тебе нужно, — ответил ковбой.

— Хочу предложить вам работу. Вы когда-нибудь работали на скотоводческой ферме?

Ковбой без промедления отодвинул стул, стоящий с противоположной стороны стола, и он уперся в ногу Лаки. Лаки изо всех сил старался сдержать свое изумление. Ему не приходилось видеть, чтобы кто-то так грациозно двигался; по сути, он даже не заметил, как все это произошло, но быстро пришел в себя и сел за стол.

— Ты кто? — спросил незнакомец, прежде чем юноша смог произнести хоть слово.

— Лаки Харвелл. Я работаю на ранчо «Две звезды», мой босс ищет себе работников. — Он сделал паузу, ожидая, что его собеседник проявит хоть какую-то заинтересованность, но наткнулся только на выжидательный взгляд.

Владелец ранчо ничего не сказал о том, на какую должность он набирает работников, но Лаки ни за что бы в этом не признался. По какой-то причине ему очень хотелось привести этого ковбоя к мистеру Вагнеру.

— Работники спят в бараке, — продолжал он рассказывать, подавшись немного вперед. — Там довольно чисто, и у тебя будет собственная койка. М-м-м, а еще у нас есть выходные, и скот мы перегоняем не так далеко, как другие.

Он не мог похвастать тем, что был знаком с порядками на других ранчо, потому что ранчо «Две звезды» было первым местом его работы. Тут он поймал себя на том, что начинает лепетать, и остановился. На его лице появилось мятежное выражение, а подбородок слегка вздернулся. Однако он очень удивился, когда его собеседник протянул ему руку. Лаки, не задумываясь, пожал ее.

— Меня зовут Трэвис Бьюкенен, — услышал юноша глубокий голос. — Мне бы очень не хотелось проделать весь путь до ранчо, чтобы обнаружить, что на самом деле твоему хозяину работники совсем не нужны.

— Еще как нужны, — убедительно проговорил Лаки, к нему снова вернулся его энтузиазм. — Он только сегодня говорил со мной об этом.

— Сколько у вас скота?

— Полторы тысячи голов.

— В каком направлении находится это ранчо?

— На север от Боулдера. Через центр города и прямо, а потом на развилке нужно повернуть налево.

И снова в его движениях и выражении лица проявился его юный возраст.

— Что ж, придется съездить туда. С кем мне там нужно поговорить?

— С Грейди. Это старший работник, бригадир. Или с мистером Вагнером, если он будет поблизости.

Трэвис кивнул и собрался подняться из-за стола. Лаки заметил его намерение и поспешил встать раньше него. Он гордился тем, что был выше большинства мужчин в городе, девушкам это тоже нравилось. И теперь ему не хотелось оставаться на месте, он полагал, что если Трэвис увидит, какой он высокий, то поймет, насколько он важен для ранчо «Две звезды». К сожалению, глядя на Трэвиса Бьюкенена с дальнего конца зала, Лаки обманулся, потому что, когда тот поднялся во весь рост, оказалось, что он возвышается над юношей на добрых пятнадцать сантиметров. Гордость Лаки была уязвлена, и он сразу сторбился. Мало того, так еще Глория, дочь хозяина бара, девушка, с которой он несколько раз ходил на свидание, теперь стояла, облокотившись о стойку, и не сводила глаз с Трэвиса, глядя на него с таким видом, как будто он был воплощением всех ее мечтаний.

— Спасибо за информацию, — сказал Трэвис, и Лаки оторвал взгляд от Глории.

— Я поеду с тобой, — произнес Лаки.

Хотя он и был не в духе из-за того, какой поворот приняли события, но ему нужно было появиться на ранчо в то время, когда туда придет этот парень.

Трэвис, который, казалось, не считал нужным что-либо ответить, направился к двери. Лаки схватил свою шляпу и ринулся за ним.

— Ты здесь проездом или на какое-то время останешься?

— Все зависит от работы, — ответил Трэвис бригадир Грейди.

Бригадир кивнул. Новичок произвел на него такое же впечатление, что и на Лаки. Трэвис Бьюкенен был чисто выбрит, к чему сам он был очень равнодушен, и казался спокойным, уверенным, знающим свое дело человеком. Но Грейди не видел в нем соперника и не беспокоился из-за своего положения. По возрасту он был ближе к Эндрю Вагнеру, нежели к новичку, к тому же они с хозяином думали очень схоже.

— Можешь приступать к работе с завтрашнего утра, если решишь остаться.

Он рассказал о том, сколько будут платить, когда едят, где живут, и Трэвис кивнул. Лаки прохладился на заднем дворе; Грейди окликнул его и велел отвести Трэвиса в барак и показать, где что находится. А сам бригадир отправился в дом, чтобы сообщить мистеру Вагнеру о том, что они наняли нового работника. Он направился в кабинет, но дверь оказалась закрыта. В таких случаях босса нельзя было беспокоить, поэтому Грейди сказал несколько слов экономке и вернулся к своим делам.

В кабинете Эндрю сидел за столом, прижав руку к своей груди. У него снова случился приступ, на этот раз боль была настолько сильной, что он едва мог дышать. На столе перед ним лежало письмо от Ребекки, а у него не было силы даже на то, чтобы распечатать конверт. Какое-то время он часто и с трудом дышал, затем запрокинул голову на подголовник кожаного кресла и подождал, пока боль немного утихнет. Ему пришло на ум, как это часто бывало в последнее время, что в один из таких дней боль может и не отпустить. На этот раз его размышления вызвали у него желание помолиться.

— Боже, если Ты и вправду где-то там существуешь, — начал он, — прошу Тебя, верни мне Ребекку. Она мне здесь очень нужна.

Мне нужно ее многому научить, чтобы это ранчо не пришло в упадок, когда меня не станет. Конечно, именно по моей вине она все время была так далеко, но теперь Ханна просто спятила, Боже. Я знаю, она старается удержать мою девочку подальше от меня. Я хочу с Тобой договориться. Если Ты сделаешь так, что Бекки будет со мной, я буду ходить в церковь каждую неделю. Я обещаю, что так и сделаю.

Следующий приступ был настолько интенсивным, что он какое-то время не мог даже думать. Когда боль в сердце наконец-то отпустила, у него ужасно разболелась голова, но он все равно думал о письме от Ребекки. Дрожащими руками он вскрыл его, снова откинулся на спинку кресла и стал читать:

Папа, здесь ужасно жарко. Я даже завидую тому, что ты живешь в прохладных горах.

Прочитав эти слова, Эндрю почувствовал, как запрыгало в груди его сердце, но все его надежды растаяли, как только он пробежал глазами следующие строки:

На выходные мы с друзьями едем на озеро. Маркус тоже поедет с нами. Я рассказывала тебе о нем. На войне он потерял руку. Я в жизни не встречала человека, похожего на него. У него такое замечательное чувство юмора. Я знаю, он все время будет нас смешить.

Эндрю не мог больше читать. Все было совершенно ясно, у нее налаженная жизнь. Сколько лет она просила его забрать ее к себе, а он все отказывал и отказывал ей в этом. Устроиться оказалось не так легко, как он надеялся. А потом еще эта война. Ни о каких поездках и речи быть не могло. Вот уже пять лет, как война закончилась, и наконец он обустроил для них дом.

Он решил послать кого-нибудь из Боулдера в Филадельфию, чтобы помочь дочери переехать, но из писем Ханны он однозначно понял, что сестра никогда этого не допустит. И правда, он сам был виноват в том, что дочь до сих пор была не с ним. Он неправильно оценил политическую ситуацию — даже Линкольна застрелили, — но еще более глупо он поступил, когда решил, что его Ребекка должна приехать лишь тогда, когда он сможет предложить ей роскошную жизнь. Теперь все было готово к тому, чтобы его дочь поселилась с ним в одном из лучших домов во всем штате, но его пошатнувшееся здоровье делало его совершенно беспомощным во всех попытках привезти ее сюда. В прошлом все письма, имеющие то или иное отношение к ситуации, были адресованы Ханне, но теперь Эндрю задавался вопросом, а не следовало ли дать Ребекке возможность принять решение самостоятельно.

Девушка была умна, она получила образование в лучших школах. Эта мысль вселила в него надежду, и ему захотелось дочитать ее письмо. Ребекка рассказывала о своей жизни в обществе, а закончила свое послание словами о том, как сильно она его любит и скучает по нему. Но Эндрю читал эти строки рассеянно, в его голове уже зарождался план.

Трэвис потер затылок и несколько раз ударил шляпой по ноге, стараясь хоть немного очистить головной убор от пыли. Он взмок от жары, грязь прилипла к телу; все, чего ему сейчас больше всего хотелось, так это — в ванну, поесть и завалиться спать, именно в таком порядке.

— Тут некоторые ребята собираются сегодня в город, — сообщил Трэвису Грейди, перебрасывая седло через ограждение стойла. — Ты с ними?

Трэвис поднял голову. Он глянул на собеседника через спину своего коня и продолжил заниматься своим делом.

— Нет, я устал от седла.

— Они, наверное, поедут в повозке, — продолжил Грейди.

Трэвис медленно повернулся и посмотрел на него.

— Грейди, чего ты хочешь на самом деле?

После месяца совместной работы они оба знали, что могут говорить друг с другом начистоту.

— Я просто подумал, что если ты поедешь с ними, то мне было бы спокойней, не пришлось бы переживать, что кого-нибудь подстрелят или бросят за решетку.

Губы Трэвиса медленно расплылись в улыбке.

— Нет, Грейди, спасибо, в няньки можешь поискать кого-нибудь другого.

Грейди нахмурился, но не рассердился. Неделя была трудной, ему и самому не хотелось отправляться в город субботним вечером. Едва ли он мог обвинять Трэвиса за то, что тот разделяет его чувства. У Лаки тоже голова на плечах, но он слишком молод, чтобы другие работники прислушивались к нему. Больше ничего не говоря, Грейди добродушно похлопал Трэвиса по плечу, проходя мимо него.

Когда Трэвис выходил из огромной конюшни, он заметил, что Бисквит, повар, работающий на ранчо, собирается ударить в колокол. Для ужина было рановато, и ковбой предпочел бы сперва хорошенько вымыться, но в то же время у него уже урчало в животе от голода. Поэтому он двинулся в направлении длинного узкого здания.

Звук колокола зазвенел у него в ушах, когда он проходил мимо.

— Ты всегда первый у кормушки, — в своей обычной сварливой манере заметил Бисквит.

— Даже не знаю, почему я это делаю, — ответил Трэвис, выходясь над головой повара и не останавливаясь, — ведь твою стряпню все равно есть невозможно.

— Ах ты... — начал было Бисквит, но тут же осекся, потому что к ним подходили другие работники.

Ни он, ни повар ничего такого не имели в виду. Бисквит и другие работники любили Трэвиса, поэтому иногда подшучивали над ним. Он выполнял свою работу, был честен и справедлив, и на ранчо не нашлось бы никого, кто не испытывал бы к нему уважения. Трэвис и сам был доволен работой и считал, что нашел прекрасное место, чтобы перезимовать. Плата за работу была приличной, а жилищные условия — более чем приемлемые. Трэвис поддразнивал Бисквита по поводу его стряпни, но ему приходилось есть пищу намного хуже. С хозяином за это время он встречался всего несколько раз, но мистер Вагнер казался ему очень достойным человеком.

В это самое время в конторе ранчо «Две звезды» между владельцем и бригадиром Грейди происходил разговор о самом Трэвисе.

— Я знаю, поездка будет не в самую теплую пору, но все же я хочу, чтобы ты поехал.

— Хорошо, — согласился Грейди. — В мое отсутствие вы возьмете мои обязанности на себя?

— Нет, я поручу их Бьюкенену.

Грейди кивнул. Он предпочел бы отправить Трэвиса перегонять скот, но не стал возражать против решения хозяина.

— Сто пятьдесят голов нужно отогнать на скотный двор в Денвер, повидайся там с хозяином торгов, а когда получишь деньги, возвращайся домой, — давал наставления Эндрю. — Нужно было сделать это раньше, но, думаю мне, ты успеешь справиться еще до снегопадов.

— Хорошо. Вы сами поговорите с Трэвисом или мне это сделать?

— Скажи ему, пусть зайдет ко мне.

Грейди нашел Трэвиса в столовой, тот как раз заканчивал ужинать. Он даже глазом не моргнул, когда Грейди сообщил, что его хочет видеть мистер Вагнер, он лишь снова пожалел, что ему не дали времени помыться. С рекордной быстротой он достиг большого дома и был поражен тем, насколько строгой была вся его обстановка.

«Здесь не хватает прикосновения женской руки». Он и сам не понял, откуда у него появилась эта мысль. К сожалению, она оставила хмурый отпечаток на его лице, когда он встретился с хозяином.

— Надеюсь, это ты не из-за меня так хмуришься, — заметил Эндрю. — Хотя ты только что отведал стряпни Бисквита, а тот кого хочешь заставит хмуриться.

Он улыбнулся, и Трэвис ответил ему улыбкой.

— Грейди сказал, что вы хотите меня видеть, сэр.

— Да, хочу.

Эндрю обрисовал свои пожелания на последующие несколько недель. Трэвис был более чем счастлив занять место бригадира и получить прибавку к заработной плате. Он будет работать в близком контакте с мистером Вагнером, но это его не смущало. Ему по-настоящему нравился этот человек. Минут двадцать спустя он вышел из дома, снова мысленно поздравив себя с тем, что так удачно выбрал место перезимовать.

Десять дней спустя Трэвис сидел за обеденным столом напротив Эндрю Вагнера, понимая, что после возвращения Грейди ему придется трудно. Жизнь бригадира была сопряжена с большой ответственностью, но, с другой стороны, имела и некоторые привилегии: ужин с хозяином и наслаждение стряпней Лавины были лишь их малой частью.

— Как там на южном пастбище?

— Все хорошо.

— А как скот — здоровый?

— Все очень хорошо. Бычков не осталось, а вот телки уже набирают вес.

Эндрю кивнул и отправил в рот очередной кусок говядины.

— У меня еще есть пирог, — сообщила Лавина.

Домоправительница заглянула в столовую, чтобы справиться, как продвигается ужин. Это была самая миниатюрная из всех женщин, которых Трэвису приходилось видеть, слишком худая и очень невысокая. Возраст ее не поддавался определению, хотя волосы женщины стали уже совершенно седыми. Она была сварлива, но Трэвис всегда улыбался ей. Она в ответ хмурилась, а он, понимая, что все это лишь для видимости, улыбался ей еще шире.

— Я с удовольствием угощусь, — наконец произнес Трэвис, а Эндрю с обеспокоенным видом покачал головой.

Лавина насупилась, глядя на него, и поспешно вышла из гостиной. Несколько мгновений спустя она вернулась, но принесла не блюдо с пирогом, а стакан с мутной беловатой жидкостью. Она поставила стакан перед Эндрю, а потом стояла рядом, пока тот пил.

— Это вернет тебя в норму, — пробормотала она.

Грудная клетка Эндрю с облегчением поднялась и опустилась, но он не поблагодарил свою экономку. Слабым голосом, стараясь подавить раздражение, он произнес:

— Я же просил тебя никогда не делать этого перед посторонними!

Лавина хмыкнула.

— А ты еще не догадался, что Трэвис тебе совсем не посторонний, он лучший из всех, кто у тебя есть? Даже лучше этого твоего Грейди.

С этими словами она вышла из комнаты, напроочь забыв о пироге для Трэвиса.

Между мужчинами повисло неловкое молчание, какое-то время Трэвис глядел по сторонам, стараясь не смотреть на своего хозяина. Когда же он бросил взгляд на Эндрю, то заметил, что тот испытующе смотрит на него.

— У меня есть дочь, — проговорил он, его дыхание все еще было немного затрудненным. — Она живет на Востоке.

Трэвис лишь кивнул.

— Я жду, что она скоро ко мне переедет. Если не до зимы, тогда следующей весной. Она хорошая девушка.

И снова Трэвис только кивнул, не подозревая, что Эндрю еще не получил от дочери никаких известий. Но эти приступы постоянно наводили его на мысль о ней.

В комнате снова воцарилось молчание, и Трэвис сделал попытку нарушить его.

— Я уверен: когда она приедет, ей здесь понравится.

Но Эндрю, казалось, даже не слышал его слов.

— Когда она придет, я хотел бы, чтоб ты поехал на станцию ее встретить. Я хочу, чтобы ты взял мою лучшую коляску и доставил Ребекку на ранчо. Я скажу тебе, когда нужно будет ехать.

Трэвис кивнул еще раз и наблюдал за тем, как Эндрю опустил взгляд на тарелку с наполовину съеденным ужином.

— С вами все в порядке, сэр? — спросил Трэвис, хотя почему-то был совершенно уверен, что ему посоветуют не совать свой нос в чужие дела.

Однако случилось совершенно иное: Эндрю остался доволен подлинным беспокойством, отразившимся на лице Трэвиса. В груди у него все еще щемило, но он выдавил из себя улыбку. Его сердце подсказывало ему, что этот молодой человек был какой-то особенный.

— Со мной все будет в порядке, — заявил он. — Ты только привези ко мне Ребекку, а со мной все будет хорошо.

— Да, сэр, я сделаю все, что в моих силах.

— Извини меня, — произнес Эндрю, тяжело поднимаясь из-за стола и направляясь к лестнице.

Трэвис почувствовал, что больше не испытывает голода. Он тоже поднялся и пошел через кухню, чтобы поблагодарить Лавину. Миниатюрная женщина, голова которой была на уровне его груди, заставила его сесть и съесть кусок пирога, который она так и не принесла в столовую. Пока он ел, она немного поболтала, но его мысли были в совершенно другом месте. Он представлял себе маленькую темноволосую дочку Эндрю, которая живет где-то на Востоке и тоскует по своему отцу. При мысли об этом у Трэвиса сжалось сердце.

Письмо начиналось словами: *Как ты посмел?* Эндрю не мог вспомнить, когда простые слова доставляли ему большее удоволь-

ствие. Его сестра была вне себя, а ему впервые за много лет захотелось пуститься в пляс. Ребекка была уже в пути. Он быстро пробежал глазами письмо, чтобы узнать, когда она отправилась, и в полном смятении осознал, что она должна быть уже поблизости. Еще только два дня назад он говорил Трэвису, чтобы тот был готов, а теперь должен сказать, чтобы он немедленно отправлялся в город.

— Лавина, — позвал Эндрю, выходя из кабинета.

Он продолжал звать ее, пока она не появилась на пороге.

— Что такое? И чего кричать? — проворчала она. — Ты мог бы своим криком и мертвого поднять.

— В котором часу дилижанс приходит в город?

— Не знаю. Полагаю, около трех.

Было уже начало пятого. Сердце Эндрю сжалось.

— Найди Трэвиса.

— Зачем? Он же работает на выгоне.

— Мне плевать, найди его немедленно. — Его лицо начало угрожающе краснеть.

Лавина вышла из дома, бормоча себе под нос, что Эндрю раньше времени загонит себя в гроб, но пошла выполнять его распоряжение.

В груди Эндрю начала разливаться боль. Оставшись один, он сел на стул рядом с кабинетом и сделал глубокий вдох. Он никогда не задавался вопросом, как будет себя чувствовать, зная, что его дочь едет через всю страну. Теперь эта мысль внушала ему ужас. Если она не приедет, Ханна в своем письме окажется права. Он будет просто негодяем. В этот момент Эндрю вспомнил, что не дочитал письмо, а только пробежал его взглядом.

Оставив дверь открытой, чтобы слышать, когда вернется Лавина, он направился к своему столу и сел, чтобы прочитать письмо с самого начала.

Как ты посмел? Как ты мог забрать ее у меня? Я знала, Эндрю, знала, что ты никогда не приедешь за ней. Я знала

об этом еще в тот день, когда ты уезжал, а я решила дать ей жизнь, которой никогда не было у меня самой. Мне потребовалось много усилий и много времени, чтобы она наконец перестала скучать по тебе.

Теперь она — моя девочка, а тебя за то, что ты сделал, я просто ненавижу.

Ты просто негодяй, вот ты кто. У меня чуть не остановилось сердце, когда я вошла к ней в комнату и обнаружила ее письмо. Это было только час назад, а кажется, что прошло уже несколько лет.

Эндрю перевел взгляд на дату, когда письмо было написано: 19 сентября. Ребекка была в пути уже полторы недели. Если она добиралась поездом, то уже могла быть поблизости. Где же эта Лавина с Трэвисом? На этот раз приступ начался так неожиданно, что Эндрю стал задыхаться. Он велел себе не паниковать, но все было бесполезно. К тому времени, когда пришел Трэвис, Эндрю был совершенно бледен.

— Езжай встречать дилижанс, — проговорил он мучительным шепотом.

Трэвис смотрел на искаженные черты лица мистера Вагнера, а потом поднял глаза на Лавину, та сердито посмотрела на него.

— Отведи его наверх, — настойчиво произнесла Лавина.

Трэвис подхватил мистера Вагнера на руки и понес его по ступеням наверх.

Эндрю хватал ртом воздух.

— Почему ты не делаешь того, что я тебе велел? Ты должен... — боль не позволила ему продолжить.

Сердце Трэвиса было готово выскочить из груди, когда он положил Эндрю на кровать. Не в силах больше выдержать вида страдания в глазах своего хозяина, Трэвис быстро спустился по лестнице, сел на коня и поскакал в город, совершенно забыв о том, что нужно было взять лучшую коляску.

Три дня спустя Трэвис в очередной раз подъехал к станции и приступил к своему ежедневному дежурству. Он приезжал встречать Ребекку каждый день и уже начал терять надежду. С каждым часом Эндрю приходил во все большее волнение. Трэвис уже сомневался, что мистер Вагнер сможет выдержать, если он снова вернется с пустыми руками. Если бы хоть Грейди был дома, но он что-то задержался в Денвере. Трэвису не доставляло большого удовольствия быть для мистера Вагнера всем.

Молодой человек спрыгнул на землю из коляски и приподнял свою шляпу, поздоровавшись с молодой женщиной с ребенком. Он бродил вдоль станции, размышляя о том, не задержится ли дилижанс и сегодня, как накануне. Ребекка Вагнер *должна* прибыть с этим дилижансом.

Услышав знакомый звук тяжелых копыт и позвякивание сбруи, он оглянулся. С опозданием лишь на десять минут дилижанс въезжал на главную улицу города.

Когда дверь открылась, из нее вышли четыре человека. Трэвис затаил дыхание: все четверо были мужчинами. Он увидел, что управляющий станцией разговаривает с кем-то, кто оставался внутри, затем показалась маленькая ручка и оперлась на его руку. У Трэвиса чуть сердце не остановилось, когда он увидел, что это была девушка. Он помедлил немного, полагая, что, возможно, Ребекка приехала в сопровождении кого-то, но блондинка в маленькой голубенькой шляпке была одна. Трэвис повернулся к коляске.

— «Две звезды»? — послышался голос управляющего. — Это ранчо в нескольких милях на север от города.

Трэвис остановился и развернулся обратно. Девушка стояла спиной к нему и благодарила возницу за то, что тот снял ее дорожный сундук. Трэвис медленно вернулся и остановился в паре

метров от нее. Он снял шляпу и произнес ее имя своим мягким глубоким голосом.

— Мисс Ребекка?

К его большому удивлению, она обернулась.

— Да?

Сердце Трэвиса подпрыгнуло в груди, когда он посмотрел в самые большие карие глаза, какие ему доводилось видеть. Кареглазая блондинка.

— Вы назвали мое имя? — проговорила она с неуверенным видом.

— Да, да, — ответил Трэвис. — Если вы Ребекка Вагнер, то меня прислал за вами ваш отец.

— О! — в этом возгласе слышалось явное разочарование, а потом появилась обеспокоенность: — С папой все в порядке?

— Да, мэм, — произнес он, всем сердцем надеясь, что так оно и было. — Я Трэвис Бьюкенен, ваш отец просил меня поехать встретить вас. Отсюда до ранчо всего сорок пять минут езды.

Неожиданно Ребекка улыбнулась, а у Трэвиса перехватило дыхание.

— За последние две недели я проехала больше, чем за всю свою жизнь. Пара лишних миль не имеет никакого значения.

— Коляска стоит вон там, — Трэвис отступил в сторону и сам удивился тому, что его голос звучал так обыденно. А где же маленькая девочка, которую он себе представлял?

— Со мной еще дорожный сундук, — произнесла Ребекка извиняющимся тоном, но Трэвис лишь кивнул, вернул шляпу на голову и пошел за сундуком.

Он без труда поднял его и погрузил на коляску, удивляясь тому, что она путешествовала практически налегке. Трэвис оглянулся и увидел, что Ребекка стоит на прежнем месте и смотрит в сторону города.

Горы, окружавшие Боулдер, заслуживали большего внимания, чем сам городок, и Трэвис мог легко представить, о чем она

думает. Кроме того, он отметил для себя, что девушка привлекает большое внимание окружающих. Любому зрячему было понятно, что среди них появилась настоящая леди. Трэвис поспешно подошел к ней, он неосознанно старался закрыть ее от посторонних взглядов.

— Сюда, пожалуйста, мисс Ребекка, — Трэвис взял ее за руку; девушка благодарно улыбнулась ему; при этом он заметил, что, глядя на нее, мужчины останавливались на улице.

Помогая ей сесть в коляску, Трэвис старался не таращиться на нее, но даже в своем помятом темно-синем дорожном костюме она радовала глаз. Ребекка случайно сбила в сторону свою маленькую шляпку, но это лишь прибавляло ей очарования. Трэвис прикинул и решил, что ей должно быть около восемнадцати, и сглотнул от всех тех эмоций, которые переполняли его.

Неужели она проделала весь этот дальний путь сама? Возможно, за этой милой улыбкой скрывается железная воля или же, в отличие от манер, ее нравственные стандарты были не так высоки. Однако, когда Трэвис сел в коляску и девушка ему улыбнулась, он сразу понял, что ошибался. Она смотрела на него простодушными, как у ребенка, глазами, и в них он неожиданно заметил застенчивость. Но, с другой стороны, от его внимания не ускользнуло, что ей нравилось то, что она видела в нем, как и ему нравилось то, что он видел в ней. Его сердце опять пустилось вскачь.

— Я думаю, вы очень удивите своего отца, — проговорил Трэвис, щелкнув вожжами.

Он старался не сводить взгляда с дороги.

Ребекка повернулась, чтобы посмотреть на его профиль, а затем покорно перевела взгляд на улицу.

— Почему это?

— Он никогда не говорил о вашем возрасте. И я, по правде говоря, ожидал, что из дилижанса выйдет маленькая девочка.

Ребекка засмеялась легким, заливистым смехом, в котором слышалось удовольствие от полученного комплимента.

— Когда он уезжал, я действительно была еще ребенком, — мягко сказала она. — Должно быть, он все еще считает, что мне восемь лет.

Трэвис все время напоминал себе, что не нужно на нее долго смотреть. Теперь она была далеко не ребенком, и впервые за многие годы у ковбоя появились мысли о домашнем очаге, о своем доме. Но эти образы возникли перед ним не надолго. Потом появились и другие мысли. Для начала то, как легко Ребекка согласилась с ним ехать. Ему стоило лишь назваться и сказать, что его прислал ее отец, и она уже сидела в коляске. Неужели она действительно так доверчива? Он подумал, что работает на ранчо не так давно, чтобы мистер Вагнер успел написать о нем дочери в письме. Это оставалось для него полной загадкой.

— Как далеко вы говорили находится ранчо, мистер Бьюкенен? — неожиданно спросила Ребекка.

— Я не говорил, но до ранчо пять миль, и вы можете называть меня Трэвис.

— О, хорошо. А другие дома в окрестности есть?

— Нет, — ответил Трэвис, удивленный тем, что она этого не знает. — Ранчо расположено на нескольких акрах открытой местности.

Сказав это, он ощутил в сердце некоторое беспокойство. Лавина говорила, что отец и дочь поддерживали постоянную переписку. Он замолчал.

Прошло некоторое время, прежде чем он снова посмотрел на свою пассажирку. Она в буквальном смысле сползала с сиденья. Трэвис немного придержал лошадь; взяв вожжи в одну руку, другой он коснулся плеча Ребекки.

— Обопритесь о спинку, мисс Ребекка, и расположитесь поудобнее. Нам еще далеко.

Она обратила на него усталый взгляд.

— Запрокиньте голову, — наставлял он.

Какое-то время спустя она слегка повернулась к нему, левой щекой касаясь кожаной спинки сиденья. Они не проехали и ста

метров, как из-за небольшой выбоины ее голова подалась вперед и девушка уперлась лбом в плечо Трэвиса. Возница ехал спокойно и не спеша. Он знал, что с мистером Вагнером может случиться припадок, но сейчас ему нужно было позаботиться о своем милом пассажире, и он не сделает ничего, что могло бы побеспокоить ее. Кроме того, он был вынужден признаться самому себе, что ощущение, когда она упирается в него пусть даже лбом, было слишком чудесным, чтобы передать его словами.